

*Посвящается моей семье.
Спасибо Виталию Сергееву за помощь*

Пролог

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА от 26 июня 1917 года

Неспровоцированная атака германских войск на части Русского экспедиционного корпуса в Париже, повлекшая за собой потери среди русских солдат, не может остаться без ответа.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ повелел Российскому телеграфному агентству сделать заявление.

РОСТА уполномочен заявить, что с нуля часов по московскому времени 27 июня 1917 года Россия официально прекращает действие своей инициативы «Сто дней для мира» в отношении Германской империи. Берлинские милитаристы отвергли, возможно, последний шанс закончить войну на приемлемых условиях. Подлая атака на строго придерживающихся взятых на себя Россией односторонних мирных обязательств русских воинов не может быть прощена и дает нашей доблестной армии право на ответные действия в отношении Германии.

Призываем другие страны — участницы военного блока Центральных держав и далее воздерживаться от наступательных операций на всех фронтах.

Шанс на всеобщий мир еще не потерян для вас.

ОТ РОССИЙСКОГО ИНФОРМБЮРО
Оперативная сводка за 28 июня 1917 года

В течение минувших суток наши войска силами частей Русского экспедиционного корпуса совместно с частями Единой Франции вели бои на улицах Парижа против немецких оккупантов.

Продолжается восстановление порядка на юге Франции. Силы Русского экспедиционного корпуса совместно с войсками Единой Франции, Италии и Испании проводят операции против инсургентов Окситании. Вчера была восстановлена законная власть правительства генерала Петена в городе Брив-ла-Гайярд и его окрестностях. Полицейская операция союзных сил в регионе продолжается.

На других участках фронта ничего существенного не произошло.

МОСКВА.

КРЕМЛЬ. ДОМ ИМПЕРИИ.

28 июня (11 июля) 1917 года

— Ваше императорское величество! По вашему повелению великий князь Николай Александрович удостоен высочайшей аудиенции!

Мрачно смотрю на бывшего самодержца. Тот слегка склоняет голову, обозначая формальный поклон.

— Государь, ты желал видеть меня.

Голос Николая сух, такое вот «приглашение на ковер» явно раздражает его. За истекшие со дня моего воцарения четыре месяца я старался не слишком злоупотреблять своим царственным правом. Может, и зря.

Киваю на два кресла.

— Присаживайся, брат. Есть серьезный разговор.

Мы расселись, и я продолжил после некоторой паузы:

— Опять наш с тобой разговор начинается схожим образом. Помнишь, как я тебя отговаривал тогда в Могилеве от поездки в Царское Село?

Тот помрачнел и хмуро ответил:

— Помню. А при чем тут это?

— А при том, дорогой брат, что я тебя тогда спросил, в курсе ли ты, что в империи заговор и что тебя собираются свергнуть? Ты тогда сказал, что в курсе, но предпринимать какие-либо меры отказался, оставив меня в Ставке, а сам уехал в Царское Село. Так?

— Допустим. И что?

— И сейчас я тебе вновь говорю — в империи заговор. И я смею полагать, что тот взрыв на Красной площади в день Пасхи, равно как и убийство нашего дяди в Тифлисе, это связанные между собой события. Пока мы не вышли на всех заказчиков. Однако пока твоему семейству лучше отправиться на отдых в Ливадийский дворец. Вам обеспечат надежную охрану.

Николай мрачно смотрит на меня.

— Чем вызвана подобная ссылка?

Пожимаю плечами.

— Заботой о вашей безопасности и безопасности империи. У меня есть сведения, что заговорщики могут вновь попытаться разыграть карту с возвращением трона якобы законному императору Алексею Второму. Ты помнишь, во что вылилась прошлая попытка переворота. Благо тогда, шестого марта, ты и твоё семейство уцелели, а Россия отделалась лишь взорванным Зимним дворцом да сгоревшим Александровским дворцом в Царском Селе. Но все могло обернуться значительно хуже. Вспомни захват твоей семьи пьяными матросами и взбунтовавшимися солдатами царско-сельского гарнизона. Тогда лишь чудо и Божественное провидение спасли жизнь твоему сыну. Моей жене,

как ты помнишь, пережить захват дворца в Гатчине не удалось.

Мы помолчали. О чем думал Николай в этот момент? Возможно, о том, что воистину чудо спасло Алексея, когда все же удалось остановить кровь. Удар приклада, падение с лестницы и открытый перелом практически гарантированно должны были убить мальчика, больного гемофилией. А может, вспоминал свою душевную слабость, когда он заключил сделку с Богом, обещая в молитве отказаться от короны и посвятить свой дальнейший жизненный путь молитве и смирению. Я не знаю, о чем думал бывший император в этот момент. Но зато прекрасно знаю, чем закончилась бы вся история в случае, если бы я в ту ночь в Могилеве не поднял бы фактический мятеж, захватив Ставку и «самоубив» генерала Алексеева, возглавлявшего военный заговор против Николая. Равно как могу себе представить, чем закончилась бы история, если бы Николай тогда не отказался от короны за себя и за сына. Революция и гражданская война были бы неизбежными, а равно как гибель и всей его семьи. Ну и меня заодно.

Наконец, бывший царь очнулся от дум и спросил с горечью:

— И все же, почему мы должны уехать? Почему мы не можем остаться в Москве?

Хмуρο смотрю на него.

— Возможно, я бы и согласился на это, если бы твоя супруга вела себя менее опрометчиво.

— Прости, я не совсем понял тебя.

— Твоя Аликс в последнее время стала активно наносить визиты.

Николай, уже враждебно:

— И что? Нынешние российские законы как-то запрещают великой княгине совершать визиты?

— Отнюдь, брат мой, отнюдь. Но, видишь ли, в чем проблемка — визиты-то не запрещены, а вот то, что твоя Аликс говорит при этом — все это имеет явные признаки государственной измены.

Бывший самодержец вскинулся.

— Объяснись!

— Более чем охотно, брат мой. Для того тебя и позвал. В свое время мы с тобой во имя блага государства российского железным образом условились, что с момента твоего отречения от престола за себя и за Алексея ты и твоя семья примете на себя великокняжеские титулы и будете им строго соответствовать. Так?

— Так.

— Однако ряд событий последнего времени вынуждают меня заявить: обрати, будь добр, внимание своей супруги, что говорить в великосветских салонах про то, что никто не может ее лишить титула императрицы, не совсем благоразумно. Более того, рассуждать о том, что Алексей незаконно лишен права престолонаследия, да еще и делать это публично, еще более не здраво, ввиду того, что сие являет собой государственную измену. Не мне тебе говорить, что это все значит. Я не хочу выносить сор из избы, как говорят у нас в народе, но все это подводит к неприятным вопросам.

— Это к каким же?

Я криво усмехнулся:

— О, поверь мне, вопросы крайне неприятные, и у Высочайшего следственного комитета их крайне много. Например, странное совпадение, когда из-за якобы остро возникшей болезни Аликс, которую потом никто у нее не замечал, ваше семейство срочно отбыло в Крым, и это в тот самый момент, когда на Красной площади произошел взрыв и погибли сотни людей, включая нашу с тобой мамá и несколько членов

императорской фамилии, а наша с тобой сестра Ксения осталась вдовой. И заметь, едва не погиб я сам, чуть не освободив таким образом престол Всероссийский.

— Но...

— Нет, позволь я уж договорю. Далее. Взрыв, погубивший в Тифлисе нашего дядю. Я ничего не знаю о том, может ли твоя супруга иметь к этому всему хотя бы теоретическое отношение, но разговоры в высшем свете идут именно об этом, и думается мне, что ты об этом знаешь.

Ники насупился, но промолчал. Продолжаю:

— Разумеется, я не верю в причастность Аликс к убийству Ник-Ника или к Кровавой Пасхе, но, как говорится, осадочек имеется. Слишком уж она много болтает, и слишком уж ей в этом контексте это все выгодно. Вспомним также о том, что официальной целью последнего, будем надеяться, мятежа от шестого марта сего года была попытка вернуть твоему сыну, так сказать, законный престол.

— Мне представлялось, что я четко ответил на этот вопрос, в том числе и на том твоём отвратительном балагане, который ты назвал пресс-конференцией!

— Ты — да, но твоя Аликс? Я ни в чем ее не обвиняю, пока, во всяком случае, но ты сам понимаешь, что значит государственная измена и какова цена определенности в престолонаследии! Я хочу, чтобы ты понял, что твоя семья находится в центре пристального внимания. Внимания общества, и не только.

— За нами шпионят?!

Хмыкаю.

— Разумеется. А что тебя это так удивляет, собственно? Ты же в свое время посылал людей шпионить за мной.

— Но ты тогда собирався сочетаться морганатическим браком!

— Ну, это да. Был грех. Сочетался. Однако твоя жена сейчас напрашивается на обоснованное подозрение в государственной измене, а это совсем другая тяжесть проступка, чем морганатический брак, не так ли?

— Но...

— В общем, так, Ники. Разговор не несет конструктива, а во времени я сегодня крайне стеснен. Думаю, что у Аликс вновь разыгралась ее болезнь, из-за которой она не смогла присутствовать на Пасху на Красной площади. Так что Крым в ближайшие месяца три будет весьма полезен для ее здоровья.

Николай помолчал, затем хмуро уточнил:

— Нам всем нужно выехать на «отдых»?

Киваю.

— Разумеется. В сложившихся обстоятельствах гарантировать вашу безопасность и безопасность России я могу, только убрав вашу семью, а в особенности Алексея и твою Аликс, из Москвы подальше. Я вовсе не хочу, чтобы твоего сына вновь использовали как знамя мятежа. Равно как и не хочу, чтобы у России вновь украли победу в этой войне.

— Вновь?

Выругав себя за длинный язык, уточняю:

— Два мятежа сорвали нашу военную кампанию на этот год. И мы вместо победного марша по Берлину вынуждены были заниматься нашими внутренними проблемами, а армия вообще была неспособна наступать. Я не хочу, чтобы эта история повторилась.

Откуда ему знать, какой катастрофой для России закончилась Первая мировая война в моей истории?

Владимир Марков-Бабкин

**ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО
ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА)**

от 28 июня 1917 года

Продолжаются волнения в Австро-Венгрии, вызванные кровавым подавлением выступления 81-й Гонведской пехотной бригады из Будапешта, отказавшейся идти в наступление на итальянском фронте. Наблюдатели отмечают, что попытки использовать войска для восстановления порядка в Венгрии успеха пока не имеют.

Мы следим за развитием ситуации в этой стране.

Глава I

ВОЙНА ЗА МИР

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ДОМ ИМПЕРИИ.
28 июня (11 июля) 1917 года

— Все готово, ваше императорское величество! Мы можем начинать.

Киваю. Да, начнем, пожалуй.

Государство — это я.

Так сказал однажды один французский король, приняв ослабленную, охваченную фрондой страну и создав величественную державу с непререкаемой абсолютной монархией и с собой любимым на троне. «Король-солнце» — так называли его. Как назовут меня? Кто знает. Титул Кровавый уже занят, так что я готов согласиться на что-то более скромное.

Империя — это я.

Так уж случилось. Бог свидетель — я этого не хотел. И всеми силами старался избежать. И вот теперь, бросив последний взгляд в зеркало, вновь вижу отражение человека, в теле которого я нахожусь вот уже четыре месяца. Высокий, статный, начинающий лысеть мужчина в полном расцвете сил. Худощавое породистое лицо, высокий лоб, усы по моде этого времени. Генеральский мундир строго сидит на стройной фигуре. Все как всегда. Лицо и тело брата Николая Второго, Михаила Александровича Романова. Михаила Второго, императора Всероссийского...

М-да...

Пора, мои министры ждут.

Адъютант распахивает двери. Генерал Кутепов передает мне папку со свежайшими сводками из императорского ситуационного центра.

Что ж, мы начинаем, господа!

ПАРИЖ. ФРАНЦУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

28 июня (11 июля) 1917 года

Город горел. Среди руин, бывших еще несколько дней назад великолепными дворцами, шел тяжелый бой. Вскипали битым кирпичом разрывы снарядов, поднимали каменную крошку многочисленные пули, мелькали головы обороняющих квартал французских и русских солдат.

Немцы продвигались планомерно, оттесняя защитников все дальше и дальше вглубь французской столицы. Судя по всему, руины сгоревшего Лионского вокзала все еще служили своим бывшим пассажирам, защищая своими толстыми стенами засевших там солдат генерала Петена. Но было совершенно очевидно, что долго они там не продержатся.

Если британцы не подойдут вовремя, то город однозначно обречен. Слишком силен германец, слишком мало обороняющихся, да и с боеприпасами у них очень плохо. Расчеты на склады и арсеналы города не оправдались, поскольку, спешно покидая Париж, революционеры Второй коммуны все же успели взорвать артиллерийские склады и разграбить арсенал. Впрочем, на последнее времени у них было предостаточно, и они делали это планомерно, вооружая свои отряды. И где эти отряды? Разбежались. Теперь десятки и сотни тысяч единиц оружия наводнили не-

когда благополучную страну, обезображенную гражданской войной.

Имперский комиссар господин Мостовский лишь покачал головой, когда очередной тяжелый снаряд пролетел над его головой, неся смерть и разрушение в центр Парижа. Улицы были пусты, и лишь перебегающие солдаты союзников оживляли «пейзаж». Большая часть парижан покинула город или перебралась на западную окраину. Оставшиеся же прятались по подвалам, наивно полагая, что таким вот образом война пройдет мимо них.

За рекой виднелся сгоревший остов Notre Dame de Paris. Тысячелетний собор уже не дымил. Лишь почерневшие древние стены возвышались над Сеной.

Да, если британцы не успеют, то немцы войдут в самый центр. И один Бог знает, что останется от Лувра, Елисейского дворца, от Эйфелевой башни в конце концов.

Мостовский понимал французов. Вероятно, он точно так же сражался бы за Москву. Потеря Парижа могла поставить финальную точку в и так бесславной кампании 1917 года. Погруженная в пучину анархии и гражданской войны Франция могла не вынести оккупации столицы проклятыми бошами и пойти на сепаратный мир, надеясь бросить все силы на восстановление внутреннего порядка в стране. А это, в свою очередь, фактически обрушивало Западный фронт. В таких условиях британцам ничего другого не останется, как покинуть континент. Да и американцам будет сложнее переправлять войска, в случае если Франция выйдет из войны и объявит нейтралитет. И тогда Россия и Италия фактически оставались один на один с Центральными державами. С прогнозируемым печальным результатом.